Когда выпал снег, похоронный колокол звонил непрерывно. Во дворце Шэн Цзинь черная фигура повернулась внутри возвышающегося храма предков. Пройдя по длинному и узкому коридору, он углубился в самое сердце империи Вэй. Мерцающее пламя свечи осветило его, когда за спиной появилась длинная тень.

Это было 17 апреля 770 года по календарю Цан Бай, это был незабываемый год. В этот день была убита вся семья наместника Янь Бэй, за исключением его сына Янь Сюня, много лет прожившего в столице. Их души не могли успокоиться после того, как они были убиты. Все они были казнены на платформе Цзюю, прямо перед воротами дворца Шэн Цзинь. Их тела расчленили и сожгли, превратив их в пыль.

Вследствие того, что некогда вселявший страх Янбэйский лев северных земель, навсегда затих и в то время, когда имперская аристократия, наперебой голосила, тщетно пытаясь поделить земли Северной Янь, на северо-западных равнинах была организована торжественная церемония.

11 племен цюаньжунов собрались вместе. Князь Да Хан лично участвовал в празднике, поскольку они праздновали падение правителя Янь Бэй и смерть Янь Шичэна, а так же то, что император Великой Вэй открыл для них, цюаньжунов, жирный кусок северных земель. Великий бог цюаньжунов благословил свой суровый народ. При этом они твердо верили, что никто не сможет противостоять клинкам воинов прерий.

В этот момент холодный ветер завывал через полуразрушенную дверь, которая вела в отдаленную и узкую комнату. С крыши просачивался снег, и не было ни жаровен, ни теплых печей. Там была только разбитая кровать, почерневшая от грязи, источавшей сильный смрад.

За дверью, солдаты пили вино и громко кричали, играя в настольные игры, ветер приносил издалека запах мяса. Лицо молодого человека было бледным, лоб горел. Потрескавшиеся белые губы придавали ему болезненный вид. Его лоб был плотно нахмурен, а с висков капали капли холодного пота. Его черные, как смоль волосы были уже мокрые от пота.

Звуки ударов эхом отдавались в комнате. Восьмилетний ребенок поднимал стул и разбивал его об пол. Ударив несколько раз об пол, стул, наконец, развалился на кусочки. Она глубоко вздохнула, вытирая пот с лица. Чу Цяо развела костер, пламя с треском ожило, мгновенно согревая комнату. Она осторожно вскипятила миску воды. После чего забралась на большую кровать, приподняв голову подростка, прошептала: «Янь Сюнь, проснитесь и выпейте немного воды».

Казалось, что подросток ничего не слышит, от него не последовало никакого ответа.

Девочка нахмурилась и потянулась за парой грубых палочек для еды, лежащих на столе. Она рывком открыла рот подростка и влила ему в горло горячую воду. Он тут же закашлялся, и его грудь сильно затряслась. Янь Сюнь выплюнул всю воду, которую ему дали.

Чу Цяо посмотрела на воду, которую только что выплюнули. Она увидела в нем следы крови. Ее

сердце упало, когда она прикусила губу и всхлипнула. Она вылезла из постели и продолжила кипятить воду.

«Янь Сюнь?» - с наступлением ночи в комнате стало невыносимо холодно. Чу Цяо завернула подростка в меховые пальто и одеяла, в то время как она просто носила тонкую одежду. Она сжалась в маленькую фигурку рядом с Янь Сюнем, держа фарфоровую чашу: «Я добавила немного риса в воду, чтобы она стала жиже. Встаньте и выпейте немного».

Подросток молчал, словно крепко спал. Однако лунный свет падал на его плотно сомкнутые веки, показывая признаки движения зрачка. Чу Цяо знала, что он не спал и бодрствовал все это время. Ему просто не хотелось открывать глаза.

Чу Цяо медленно вздохнула и опустила чашу. Она обхватила руками колени и села, прислонившись к стене.

Снаружи бушевала метель. Сквозь разбитые двери и окна они все еще могли видеть бледное дерево в лунном свете. Ее голос был низким, когда она медленно сказала: «Янь Сюнь, я всего лишь рабыня, у меня нет ни власти, ни влияния, нет ни дома, ни родных, всю мою семью убили. Некоторые были обезглавлены, некоторые изгнаны, некоторые избиты до смерти, а некоторые были расчленены и брошены в озеро, чтобы накормить крокодилов. Некоторые из них были осквернены и убиты, когда они были еще так молоды. Их тела были свалены в тележку, словно мусор. Этот мир должен был быть справедливым. Даже если ты раб с жалкой родословной, у тебя все равно должно быть право на жизнь. Я не понимаю, почему с самого рождения люди делятся на классы. Почему волки имеют право пожирать кроликов, а кролики не имеют права бороться за свою жизнь? Но, теперь я понимаю: кролик слишком слаб, и у него нет зубов и когтей, чтобы защититься. Если человек не хочет, чтобы на него смотрели свысока, он должен постоять за себя. Янь Сюнь, я молода, но у меня есть терпение и время. Те, кто задолжал мне, ни один из них не сможет убежать от меня. Я должна жить дальше, чтобы увидеть, что они заплатят за свои грехи. Иначе, даже если я умру, я не смогу покоиться с миром».

Ресницы подростка задрожали. Его губы были плотно сжаты. Метель бушевала, а холодный ветер завывал в окнах.

Тон Чу Цяо стал еще глубже, когда она сказала: «Янь Сюнь, вы все еще помните последние слова своей матери? Она просила вас жить хорошо. Даже если жизнь тяжела и несчастна, вы все равно должны жить дальше. У вас еще много чего не сделано. Вы знаете, что это значит? Вы должны терпеть унижения и лишения, чтобы дождаться золотой возможности отомстить за своих родственников, которые были жестоко и безжалостно убиты! На ваших плечах слишком много надежд и крови вашей семьи. Слишком много взглядов наблюдает за ваши с небес. Сможете ли вы их разочаровать? Можете ли вы позволить им не упокоиться с миром? Можете ли вы вынести, что фундамент, который был построен вашим отцом, будет разрушен в одно мгновение? Вы готовы умереть на этой грязной кровати? Можете ли вы принять тот факт, что люди, которые убили ваших родителей, спокойно спят каждую ночь, наслаждаясь каждым днем своей жизни в этот самый момент?»

Голос Чу Цяо внезапно стал хриплым, как будто это был нож, разрезающий лед, посылающий

крошечный осколок льда в полет. Она произнесла следующие слова медленно и четко: «Янь Сюнь, вы должны жить дальше, даже если это означает, что вы должны вести жалкую жизнь, жизнь, которая так же низка и жалка, как у животных, вы все еще должны жить, ибо только живя, есть надежда. Вы сможете исполнить свои желания только в том случае, если будете жить дальше, и вы можете вернуть то, что принадлежит вам по праву, если вы будете жить дальше. В этом мире вы больше не можете полагаться ни на кого, кроме себя».

Мгновенно послышалось тяжелое дыхание. Чу Цяо встрепенулась, она взяла миску и поднесла ее к подростку. Его глаза ярко светились энергией, как будто в нем бушевал неистовый огонь.

«Янь Сюнь, живите и убейте их всех!»

Взгляд подростка внезапно стал сосредоточенный. Он был наполнен кровожадной яростью и нежелание мириться с действительностью. Он яростно закивал головой и сказал глубоким и злым тоном: «Должен жить, я должен убить их всех!»

Холодный ветер продолжал свистеть снаружи, когда двое детей стояли в замерзшей полуразрушенной хижине, крепко сжав кулаки.

Много лет спустя, когда Янь Сюнь стал взрослым и думал о той роковой ночи, в его сердце все еще был затаенный страх. Он не знал, что было бы, если бы он не оставил в живых неопрятную и растрепанную девушку с решительным взглядом. Если бы он раз за разом из любопытства не протягивал ей руку помощи, если бы в тот вечер перед отъездом ему не пришло в голову попрощаться с этим ребенком... Мог ли бы тот молодой, всю жизнь проживший в роскоши и славе, аристократ, сломаться под грузом постигшей его катастрофы? Мог ли он, под воздействием сердечной боли, закончить свою жизнь так трусливо, в одиночестве?

Однако, в этом мире слишком много «если». Вот почему оба ребенка, у которых ничего не было, дали молчаливую клятву в ту снежную и ледяную ночь: жить дальше. Даже если им придется вести жалкую жизнь, они должны жить дальше!

Долгая ночь подходила к концу. Еще до рассвета дворец Шэн Цзинь послал к ним гонца. Вне зависимости от причины, то ли неравномерное распределение наживы, то ли тесно связаны общими интересами, одним словом, другие князья пограничных земель давили на империю, в то же время они единодушно согласились с тем, чтобы в будущем Янь Сюнь, молодой наследник княжеского дома заменил наместника Янь Бэя на его посту, однако время получения титула должно быть отложено до его церемонии двадцатилетия.

До тех пор контроль над территориями Янь Бэй будет распределен между князьями из разных пограничных земель и самим императором. Князь Янь должен был вернуться в столицу, город ЧаньАнь, чтобы о нем заботилась императорская семья, пока он не достигнет совершеннолетия.

До этого оставалось еще восемь лет. Ему пришлось вытерпеть еще 8 лет.

21 апреля Янь Сюнь покинул резиденцию Янь и переехал во дворец Шэн Цзинь, место, которое было самым охраняемым во всей империи Вэй.

В то утро завывал сильный ветер, а вокруг него метался снег. Янь Сюнь носил черную норковую шубу Янь Бэй, когда он стоял на площади Цзы Цзинь. Перед ним была платформа Цзюю. За ней лежали северо-западные территории империи. Когда-то здесь был его дом, место, где он вырос, место, где он мог найти своих близких. Но теперь они оставили его. Он твердо верил, что они стоят высоко в небесах, молча наблюдая за ним, ожидая, когда он вступит железной пятой в Янь Бэй, в Шаншэнь.

Прошло четыре месяца с момента вторжения имперской армии на Запад, не смотря на то что, народный мятеж в Шаншэне произошел спонтанно, в полной неразберихе, тем не менее, назначили главного виновника беспорядков.

Вся семья наместника Янь Бэй была безжалостно убита. Армия Империи Вэй снова использовала свою громоподобную эффективность, чтобы защитить достоинство империи. Однако много лет спустя, когда историки открыли исторические свитки, они не могли не ахнуть. Именно в этот момент империя Вэй начала свой путь к гибели.

Среди мертвой трясины возродилось ярко бушующее пламя, всепоглощающее и разрушительное, способное сжечь все вокруг, решительно и безжалостно, острие этого погибающего мира оставило в душе, чудом выжившего юноши, глубокий кровавый след, кровь бешено клокочет и, в конце концов, полностью погребет эту прогнившую правящую династию.

Подросток повернулся и взял за руку восьмилетнего ребенка, когда они шли прямо через тяжелые Дворцовые ворота. Ворота с грохотом медленно закрылись, пожирая весь свет. Только острые глаза орла могли ясно разглядеть две фигуры с неба.

Когда солнце садилось с кровавым сиянием, обе фигуры казались крошечными, но они все еще выглядели высокими и могучими. Когда-нибудь они оставят за собой кровавый след, пробиваясь бок о бок из этих красновато-Золотых ворот! Небеса твердо убеждены, однажды наступит такой день!

http://tl.rulate.ru/book/16594/623855